

Надгробіе св. Аверкія и древне-христіанскій символизмъ.

Метрическая епитафія св. Аверкія сдѣлалась извѣстною еще въ XVII в., и большинство ея изслѣдователей видѣло въ ней памятникъ въ высшей степени важный для знакомства съ воззрѣніями и способомъ выраженій древняго христіанства. Только въ недавнее время были сдѣланы попытки отнять у этого памятника его христіанское значеніе и высказать предположеніе о томъ, что св. Аверкій былъ не христіанскій епископъ, а или язычникъ, или синкретистъ, во взглядахъ и убѣжденіяхъ котораго христіанство сливалось съ язычествомъ. Предположеніе это вызвало полемику, и вопросъ объ епитафіи св. Аверкія въ послѣднее время оживился вновь. Посему мы рѣшаемся предложить вниманію читателей Византійскаго Временника обзорѣніе виднѣйшихъ трудовъ, которые такъ или иначе касаются этого не лишеннаго интереса памятника.

До открытія, сдѣланнаго англійскимъ путешественникомъ Рамзеємъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, надгробіе св. Аверкія было извѣстно изъ житія этого святаго, которое приписывается Симеону Метафрасту¹⁾. Въ общемъ, содержаніе этого житія слѣдующее:

Въ царствованіе Марка Антонина и Луція Вера издано было повелѣніе, приказывавшее совершить жертвоприношеніе государственнымъ богамъ, и послано было къ Публію, начальствовавшему надъ Малой Фригіей. Сенатъ и народъ Іерапольскій исполнили это повелѣніе. Видя это, Аверкій, которому ввѣрено было епископство Іерапольское, обратился съ молитвою къ Богу, прося Его просвѣтить заблудшихъ. Послѣ этой молитвы, во снѣ увидалъ онъ прекраснаго

1) Въ латинскомъ переводѣ у Surius *Historiae seu vitae sanctorum* 22 октября; въ подлинникѣ у Migne *Patrol. Gr.* CXV p. 1211.

юношу, вручившаго ему жезлъ на сокрушеніе виновниковъ заблужденія, и, пробудившись, пошелъ въ святилище Аполлона, гдѣ совершались жертвоприношенія и сокрушилъ палкою изображенія боговъ. Когда объ этомъ было донесено мѣстнымъ властямъ, то онѣ рѣшили призвать епископа и его сообщниковъ и потребовать отъ нихъ удовлетворенія за оскорбленіе боговъ. Простой же народъ хотѣлъ поджечь жилище епископа и, когда тотъ вышелъ на городскую площадь, проповѣдуя слово истины, окружилъ его и былъ готовъ растерзать. Возбужденіе толпы было успокоено чудеснымъ исцѣленіемъ, по молитвѣ епископа, трехъ бѣсноватыхъ, и толпа увѣровала въ истиннаго Бога и воспріяла крещеніе въ количествѣ 500 человекъ. Немного времени спустя святой исцѣлилъ отъ слѣпоты нѣкую Фригеллу, богатую женщину, мать нѣкоего Евксиніана Попліона, котораго почиталъ царь и весь городъ, и которая увѣровала въ Господа Иисуса; вслѣдъ за нею прозрѣли, по молитвѣ святаго, и еще три старицы. Вскорѣ послѣ этого, святой, въ сопровожденіи братій, обходилъ окрестныя селенія и исцѣлялъ недужныхъ. Увидя мѣсто, пригодное для цѣлебныхъ купаній, возлѣ рѣки Агра, онъ, помолившись, извелъ изъ земли горячіе ключи, и приказалъ сопровождавшимъ его ископать бассейны для устройства въ нихъ цѣлительныхъ купалень. Тутъ одинъ изъ бѣсовъ, которыхъ Аверкій изгонялъ изъ болящихъ, предсказалъ ему предстоящее путешествіе въ Римъ. Тоже изрекъ ему, послѣ его семидневной молитвы, Господь, явившійся ему въ сновидѣніи.

У императора Антонина и Фаустины была шестнадцатилѣтняя дочь, Луцилла, просватанная за Луція Вера. Въ нее вселился бѣсъ, и предположенная свадьба не могла состояться. Веръ отправился на Востокъ для того, чтобы вести войну съ Вологезомъ, и условился съ Антониномъ, чтобы въ опредѣленный день имъ свидѣться въ Ефесѣ и совершить брачную церемонію въ храмѣ Діаны. И онъ, дѣйствительно отправился туда, но по дорогѣ получилъ письмо Антонина, извѣщавшаго, что внезапное нападеніе перешедшихъ черезъ Рейнъ германцевъ, принуждаетъ его опоздать въ Ефесъ — на самомъ же дѣлѣ причиной опозданія была болѣзнь Луциллы, — и возвратился въ Антиохію. Между тѣмъ въ Римѣ демона заклинали римскіе и италійскіе жрецы и этрусскіе птицегадатели, но онъ устами дѣвушки заявилъ, что можетъ быть изгнанъ только молитвою Іерапольскаго епископа Аверкія. Тогда императоръ послалъ за нимъ магистріановъ

Валерія и Бассіана, которые прибыли во Фригійскую митрополию Синаду и, получивъ проводниковъ отъ правителя Спинаира, достигли Іераполя, и передали святому повелѣніе императора ѣхать въ Римъ. Пустивъ ихъ въ обратный путь впередъ, онъ, въ сопровожденіи нѣкоего виноградаря Трофиміона, прибылъ въ Атталію, городъ Памфиліи, и оттуда на кораблѣ приплылъ въ Римъ. Тамъ его встрѣтилъ префектъ преторія Корнеліанъ и представилъ императрицѣ Фаустинѣ. Императора въ то время не было въ Римѣ, такъ какъ онъ отправился на войну съ варварами, перешедшими Рейнъ и грабившими римскія владѣнія. Императрица приняла его благосклонно и молила объ исцѣленіи ея дочери. Святый приказалъ вывести ее на свѣжій воздухъ, и ее привели въ циркъ, гдѣ и совершилось, по молитвѣ святаго исцѣленіе Луциллы. Оставившему ее бѣсу Аверкій приказалъ перенести въ Іераполь и поставить у южныхъ воротъ находившійся въ циркѣ большой каменный жертвенникъ, что бѣсъ и исполнилъ. Фаустина предлагала святому большія деньги за оказанное ей благодѣяніе, но онъ отказался, принявъ только три тысячи модіевъ пшеницы для раздачи нищимъ въ городѣ и попросивъ выстроить у себя на родинѣ купальню на томъ мѣстѣ, гдѣ текли горячіе ключи. Императрица исполнила эту просьбу, купальня была выстроена и получила названіе *Ἀγρός θερμῶν*, и вплоть до Іуліана іерапольскимъ нищимъ раздавалось ежегодно по 3000 модіевъ пшеницы. Св. Аверкій, пробывъ въ Римѣ долгое время, и «передавъ Христіанскимъ церквамъ здоровое слово вѣры», увидалъ во снѣ Господа, повелѣвавшаго ему возвратиться въ Сирію и озаботиться жившими тамъ своими единовѣрцами. Будучи отпущенъ императрицей, онъ прибылъ въ Антіохію, а затѣмъ въ Апамію, потомъ посѣтилъ остальные города, примиряя бывшія въ несогласіи другъ съ другомъ церкви, которыя раздѣляла ересь Маркіона. Переплывъ Евфратъ, онъ прибылъ къ церквамъ, бывшимъ у Нисивіи и во всей Месопотаміи, и устроилъ ихъ такимъ же образомъ. Во время этой поѣздки святой получилъ прозваніе равноапостольнаго, потому что никто другой не прошелъ такіа пространства моря и суши, пекаясь о своихъ братіяхъ и равняясь въ этомъ съ первоверховными учениками Христа, которымъ слѣдовалъ. Посѣтивъ на обратномъ пути обѣ Киликіи, Ликаонію, Писидію, побывавъ въ Синадѣ, митрополи Малой Фригіи, онъ вернулся въ Іераполь, гдѣ совершилъ много чудесъ. Онъ составилъ также весьма полезную учительную книгу, оставивъ ее какъ бы въ наслѣдіе послѣ себя пресви-

терамъ и діаконамъ для того, чтобы бесѣдовать съ ними и послѣ смерти и никогда не переставать приносить имъ пользу.

Кончина его была предсказана ему Господомъ, явившимся ему въ сонномъ видѣніи. Тогда онъ соорудилъ себѣ гробницу изъ нѣкоего четырехугольнаго камня, одинаковаго въ длину и ширину, и поставилъ на камнѣ жертвенникъ, который, по его приказанію, былъ перенесенъ бѣсомъ изъ Римскаго цирка, на жертвенникѣ этомъ онъ начерталъ слѣдующую надпись:

Ἐκλεκτῆς πόλεως πολίτης τόδ' ἐποίησα ζῶν, ἐν ἔχω καιρῷ σώματος ἐνθάδε θέσιν, τοῦνομα Ἀβέρκιος ὁ ὢν μαθητῆς ποιμένος ἀγνοῦ ὡς βόσκει προβάτων ἀγέλας ὄρεσι πεδίοις τε, ὀφθαλμοὺς δὲ ἔχει μεγάλους πάντα καθορῶντας. Οὗτος γὰρ με ἐδίδαξε γράμματα πιστά, εἰς Ῥώμην ὡς ἐπεμψεν ἐμέ βασιλείαν ἀδρῆσαι, καὶ βασίλισσαν ἰδεῖν χρυσόστολον, χρυσοπέδιλον. Λαόν δ' εἶδον ἐκεῖ λαμπράν σφραγίδα ἔχοντα· καὶ Συρίας πέδον χώρας εἶδον καὶ ἄσπεα πάντα Νίσιβιν Εὐφράτην διαβάς. Πάντας δ' ἔσχον συνηγόρους, Παῦλον ἔσωθεν. Πίστις δὲ παντὶ προῆγε καὶ παρέθηκε τροφήν ἰχθῦν ἀπὸ πηγῆς παμμεγέθη καθαρὸν, ὃν ἐδράξατο παρθένος ἀγνή, καὶ τροῦτον ἐπέδωκε φίλοις ἐσθίειν διαπαντός, οἶνον χρηστὸν ἔχουσα, κέρασμα διδοῦσα μετ' ἄρτου. Ταῦτα παρεστῶς εἶπεν Ἀβέρκιος ὡδε γραφῆναι, ἐβδομηκοστὸν ἔτος καὶ δεῦτερον ἄγων ἀληθῶς. Τοῦ θ' ὁ νοῶν εὐξάιτο ὑπὲρ Ἀβερκίου πᾶς ὁ συνωδός. Οὐ μέντοι τύμβον ἕτερόν τις ἀπ' ἐμοῦ ἐπάνω θήσει εἰδ' οὖν Ῥωμαίων ταμείω θήσει δισχίλια χρυσᾶ καὶ χρηστῆ πατρίδι Ῥεραπόλει χίλια χρυσᾶ. Приведа эту епитафію, житіе прибавляетъ: «содержаніе надгробія было дословно приблизительно такое, за тѣмъ исключеніемъ, что время немного повредило его точность и сдѣлало то, что надписаніе сдѣлалось ошибочнымъ». Созвавъ свою паству и благословивъ своего избраннаго ею преемника Аверкія же, святыи скончался.

При всемъ обилии чудеснаго элемента, которымъ наполнено это житіе, намъ думается, что приговоръ, произнесенный относительно его Тиллемономъ¹⁾, признающимъ его позднѣйшею выдумкою, врядъ ли будетъ справедливъ: въ житіи есть нѣкоторыя черты, которыя могутъ быть отнесены къ чисто историческимъ фактамъ, хотя объ нихъ изъ другихъ источниковъ намъ и неизвѣстно. Лебланъ въ своемъ превосходномъ мемуарѣ *Les actes des martyrs (Mémoires de l'Acad. des inscriptions. Paris. v. XXX)* доказалъ, что многіе изъ докумен-

1) *Mémoires p. servir a' l'hist. ecclesiast. Bruxelles 1732, II, p. 298.*

товъ древне-христіанской исторіи, считавшіеся прежде сомнительными, по внимательномъ и безпристрастномъ ихъ разборѣ, содержатъ не мало чертъ вполнѣ достовѣрныхъ, заимствованныхъ изъ источниковъ, сомнѣнію не подлежащихъ. Къ такимъ несомнительнымъ фактамъ мы относимъ въ житіи св. Аверкія его путешествіе въ Римъ, вызванное отчаянною болѣзнію Луциллы. Хотя о болѣзни этой исторіки и не упоминають, однако извѣстно, что между просватаніемъ Луциллы и выходомъ ея замужъ, прошелъ довольно значительный промежутокъ времени (Capitol. in Marco 7, 9, id. in Vero 2, 7) ¹⁾, въ который могъ имѣть мѣсто описанный въ житіи припадокъ и отсрочка свиданія жениха и невѣсты въ Ефесѣ. Также несомнительно, по нашему мнѣнію, и путешествіе св. Аверкія въ Нисивію и Месопотамію, предпринятое для устроенія мѣстныхъ церквей, которыя волновала ересь Маркіона, появившаяся какъ разъ на Востокѣ въ царствованіе М. Аврелія. Что касается, въ частности, надгробія св. Аверкія, то, по мнѣнію Тиллемона, подлинность его тоже возбуждаетъ сомнѣніе: представляется довольно страннымъ, что святой епископъ, 72 лѣтъ отъ роду, думая о приближающейся смерти, рассказываетъ въ своей епитафії о томъ, что онъ ѣздилъ въ Римъ, гдѣ видѣлъ украшенную золотомъ царицу, что онъ запрещаетъ хоронить кого-либо надъ своимъ тѣломъ, и, въ случаѣ непослушанія, приказываетъ преступившему внести штрафъ въ государственное казначейство и въ казну города Иераполя. Все это, прибавляетъ Тиллемонъ, не суть мысли, которыя обыкновенно волнуютъ святыхъ въ то время, когда они готовятся къ смерти.

Послѣ Тиллемона противъ подлинности надгробія св. Аверкія высказался Гарруччи ²⁾, который признавалъ, что надпись интерполирована и носитъ слѣды позднѣйшей редакціи. До послѣдняго времени, однако, голоса Тиллемона и Гарруччи не находили себѣ сочувствія среди археологовъ, занимавшихся христіанскою древностью, и всѣ они единогласно признавали важное значеніе, которое имѣетъ надгробіе св. Аверкія въ вопросѣ о древне-христіанскомъ символизмѣ. Съ особенною тщательностью изучилъ вопросъ о таинственной ΙΧΘΥΣ недавно скончавшійся кардиналъ Питра, посвятившій ей цѣлую монографію: ΙΧΘΥΣ sive de pisce allegorico et symbolico (въ Spicile-

1) Реймаръ (ad Dion. Cass. LXXI, 1 p. 1177) полагаетъ, что Луцилла была помолвлена въ 161 г., а бракъ состоялся лишь въ 164 г.

2) Mélanges d'épigraphie ancienne 1—31.

gium Solesmense III p. 499. Текстъ епитафiи по 9 парижскимъ рукописямъ на стр. 533). Новому времени суждено было рѣшить вопросъ объ интересующемъ насъ надгробiи окончательно и притомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Въ октябрѣ 1881 г. англійскiй путешественникъ по Малой Азiи Рамзей (Ramsay) нашелъ во Фригiи Salutaris, близъ города Иерополя (у Метафраста ошибочно читается Иераполь, который находился въ другой Фригiи, -Pacatiana, на слиянiи рѣкъ Лика и Меандра) надгробную стелу съ слѣдующею надписью:

ἐκ]ΛΕΚΤΗΣ ΠΟ
 λε]ΩΣΟΠΟΛΕΙ[της
 τ]ΟΥΤΕΠΟΙ[ησα
 ζῶν ἴ]ΝΕΧΩΦΑΝΕΙ[ρῶς?
 5 CΩΜΑΤΟΣΕΝΘΑ
 ΘΕCΙΝΟΥΝΟΜΑ
 Ἄ]ΛΕΞΑΝΔΡΟΣΑΝΤ[ω
 ΝΙΟΥΜΑΘΗΤΗΣ
 ΠΟΙΜΕΝΟΣ ΑΓΝΟΥ
 10 ΟΥΜΕΝ ΤΟΙ ΤΥΜΒ[ω
 ΤΙC ΕΜΩ CΤΕΡΟΝ Τ[ι
 ΝΑΘΗΣΕΙΕΙΔΟΥΝΡΩ
 ΜΑΙΩΝΤΑ[μ]ΕΙΩΘΗΣ
 ΔΙC[χ]ΕΙΛΙΑ [χ]ΡΥCΑ
 15 ΚΑΙ[χ]ΡΗΣΤΗ ΠΑΤΡΙΔ[ι
 ΙΕΡΟΠΟΛΕΙ [χ]ΕΙΛΙ[α
 χ]ΡΥCΑΕΓΡΑΦΗΤΕΙ
 Τ ΒΜΝΙ. C. ZΟΝΤΟC
 ΕΙΡΗΝΗ ΠΑΡΑΓΟΥCΙΝΚΑ[ι
 20 ΜΝ[ησ]ΚΟΜΕΝΟΙCΠΕΡΙΝ[μ]ΩΝ 1).

Надпись эта датирована 300 годомъ Фригiйской эры (стр. 17 ἐγράφη ἔτει Τ μηνὶ ΣΤ ζόντος), что соотвѣтствуетъ 216 г. по Р. X. Уже де Росси и Дюшень²⁾ отмѣтили, что епитафiя эта въ начальныхъ своихъ фразахъ представляетъ буквальное сходство съ надгробiемъ св. Аверкiя, и такъ какъ трудно предположить, чтобы эта по-

1) de Rossi Bullett. crist. IV, 1, 1882, p. 77, фототипия въ Mélanges d'archéol. et d'hist. 1895. Pl. 1.

2) Bullet. critique 1882, 15 août p. 135, 136.

слѣдняя представляла распространеніе надгробія Александра, пришли къ выводу, что текстъ сохраненной Метафрастомъ копіи послужилъ оригиналомъ надгробія Александра и, слѣдовательно, существовалъ и былъ извѣстенъ въ первой четверти III вѣка. Но удачи Рамзея не ограничились указанной находкой: во второе свое путешествіе по Фригіи въ 1883 году, въ 2 англійскихъ миляхъ къ югу отъ развалинъ древняго Герополя, въ проходѣ, который ведетъ къ горячимъ ключамъ, упоминаемымъ въ житіи, онъ нашелъ обломокъ епитафіи св. Аверкія и этимъ безповоротно рѣшилъ вопросъ объ ея подлинности. Обломокъ этотъ поступилъ въ собственность турецкаго правительства, и султаномъ подаренъ папѣ Льву XIII, по поводу юбилея его священства. Нынѣ онъ составляетъ одно изъ главныхъ украшеній Латеранскаго музея, въ которомъ находится собраніе древнихъ христіанскихъ надписей. Обломокъ этотъ изданъ въ факсимиле въ журналѣ *de Waal Römische Quartalschrift für christliche Alterthums-kunde und für Kirchengeschichte. Rom. 1894, p. 329. Taf. VI, a* вся надпись у *De Rossi* въ его *Inscriptiones christianae v. II. p. 1. pag. XVII*; ср. *Marucchi* въ *Nuovo bullettino di archeologia cristiana I. 1895. p. 22* и *I. Wilpert. Fractio panis. 1895. p. 126*. Мы воспроизводимъ надпись по изданію Марукки, отмѣчая то, что находится на камнѣ, прописными буквами:

- 1 Ἐκλεκτῆς πόλεως ὁ πολεί-
της τοῦτ' ἐποίησα
- 2 ζῶν ἐν ἔχω καιρῷ
σώματος ἔνθα θέσιν
- 3 οὐνομ' Ἀβέρκιος ὦν ὁ
μαθητῆς ποιμένος ἀγνοῦ
- 4 ὅς βόσκει προβάτων ἀγέλας
ὄρεσιν πεδίοις τε
- 5 ὀφθαλμοὺς ὅς ἔχει μεγάλους
πάντη καθορῶντας
- 6 οὗτος γὰρ μ' ἐδίδαξε
(τὰ ζωῆς) γράμματα πιστὰ
- 7 Εἰς Ῥωμὴν ὃς ἐπεμψεν
ἐμὲν βασιλείαν ἀθρῆσαι
- 8 καὶ βασιλίξσαν ἰδεῖν χρυσοσ-
τόλον χρυσοπέδιλον
- 9 λαόνδειδον ἐκεῖ λαμπρὰν

ΣΦΡΑΓΕΙΔΑΝΕ *χροντα*
 10 ΚΑΙΣΥΡΙΗΣΠΕδον *ειδα*
 ΚΑΙΑΣΤΕΑ ΠΑντα *Νισιβιν*
 11 ΕΥΦΡΑΤΗΝΔΙΑβας *πάν-*
 ΤΗΔΕΣΧΟΝΣΥΝΟ *μίλους*
 12 ΠΑΥΛΟΝΕΧΟΝΕΠΟ
 ΠΙΣΤΙΣ *πάντη δέ προήγε*
 13 ΚΑΙΠΑΡΗΘΗΚΕ *τροφήν*
 ΠΑΝΤΗΙΧΘΥΝΑ *πò πηγής*
 14 ΠΑΝΜΕΓΕΘΗΚΑΘαρόν *ον*
 ΕΔΡΑΞΑΤΟ ΠΑΡΘενος *άγνή*
 15 ΚΑΙΤΟΥΤΟΝΕΠΕδωκε *φι-*
 ΛΟΙΣΕΣΘίειν *διὰ παντός*
 16 οἶνον *χρηστόν ἔχουσα*
 κέρασμα *διδούσα μετ' ἄρτου.*
 17 Ταῦτα *παρεστώς εἶπον*
 Ἀβέρκιος *ὡδε γραφήναι*
 18 ἐβδομηκοστόν *ἔτος και*
 δεύτερον *ἦγον ἀληθῶς*
 19 ταῦθ' *ὁ νοῶν εὔξαιτο ὑπὲρ*
 Ἀβερκίου *πᾶς ὁ συνωδός*
 20 οὐ μέντοι *τύμβῳ τις ἐμῷ*
 ἕτερόν *τινα θήσει*
 21 εἰ δ' *οὖν Ῥωμαίων ταμείῳ*
 θήσει *δισχίλια χρυσᾶ*
 22 και *χρηστῇ πατρίδι Ἱερο-*
 πόλει *χίλια χρυσᾶ.*

т. е. «Гражданинъ избраннаго града, я при жизни сдѣлалъ это для того, чтобы въ свое время имѣть здѣсь покоище своего тѣла. Мое имя Аверкій, я ученикъ чистаго пастыря, который пасетъ стада овецъ на горахъ и равнинахъ, который имѣетъ большія очи, зрящія всюду; онъ научилъ меня вѣрнымъ писаниемъ (жизни), онъ послалъ меня въ Римъ, дабы взглянуть на царскій городъ и увидѣть царицу, одѣтую въ златую одежду и въ златую обувь. Тамъ видѣлъ я народъ, имѣвшій свѣтлую печать, видѣлъ равнину Сиріи и всѣ города, Нисивію, перешедши Евфратъ; вездѣ были у меня сопутники; имѣя. . . Павла, вѣра всюду предводила и всюду предлагала въ пищу весьма большую

и чистую ΙΧΘΥΣ, отъ источника, которую захватила непорочная дѣва и давала ее въ пищу постоянно друзьямъ; у нея есть прекрасное вино, и она даетъ смѣшеніе вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Это я, Аверкій, сказалъ, чтобы написали въ моемъ присутствіи, я по истинѣ провелъ семьдесятъ второй годъ. Думая объ этомъ, пусть всякій единомысленный молится объ Аверкіи. Никто пусть не кладетъ въ мою могилу кого-нибудь другого, если же кто это сдѣлаетъ, тотъ внесетъ въ Римское казначейство двѣ тысячи золотыхъ и милому отечеству Іерополю тысячу золотыхъ».

Находка Рамзея, помимо подтвержденія подлинности надгробія св. Аверкія, важна еще и тѣмъ, что даетъ намъ возможность отождествить этого святаго, о которомъ, кромѣ его житія, мы не знали ничего, съ личностью, извѣстною намъ изъ другихъ источниковъ, именно изъ Евсевія. Этотъ послѣдній¹⁾, говоря о ереси Монтана и его послѣдователей, упоминаетъ о трехъ христіанскихъ пастыряхъ, жившихъ въ послѣдней трети II в. въ мѣстностяхъ Синадской Фригіи, въ которой находился Іерополь: одинъ изъ этихъ пастырей былъ Зотикъ Отрійскій (Ζωτικός ὁ Ὀτρηνός), а другой Авиркій Маркеллъ (Ἀουήρχιος Μάρκελλος) Этотъ Авиркій поручилъ третьему своему товарищу, оставшемуся безыменнымъ, написать сочиненіе противъ ереси Мильтіада, и отрывки изъ этого трактата, заключавшагося въ трехъ книгахъ, приводятся Евсевіемъ. Такимъ образомъ, время, мѣсто и тема сочиненія (припомнимъ сообщеніе житія о томъ, что мотивомъ путешествія св. Аверкія въ Нисивію и Месопотамію было упорядоченіе мѣстныхъ церквей, которыя волновала ересь Маркіона) ведутъ къ тому, что мы въ правѣ отождествить нашего Аверкія съ Авиркіемъ Маркелломъ.

Возвращаясь къ надгробію святаго, мы должны замѣтить, что по своему содержанію и по выраженіямъ, оно представляется памятникомъ капитальной важности для знакомства съ древнимъ христіанскимъ символизмомъ, и, съ этой точки зрѣнія, уже давно обратило на себя вниманіе ученыхъ, изъ которыхъ слѣдуетъ въ особенности упомянуть кардинала Питру, который особенно интересовался христіанской символикой.

Св. Аверкій называетъ себя гражданиномъ избраннаго града. Христіане обыкновенно рассматривали себя какъ избранниковъ, которыхъ

1) Н. Escl. V, 16 cf. Nic. Call. IV, 23.

приготовалъ Богъ для вѣчнаго оправданія и спасенія; они суть родъ избранный, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія¹⁾, и этимъ отличаются отъ массы язычниковъ, которые коснѣютъ въ невѣдѣніи истиннаго Свѣта.

Далѣе, св. Аверкій зоветъ себя ученикомъ чистаго пастыря, который всюду — на горахъ и равнинахъ — пасетъ своихъ овецъ, и зорко слѣдитъ за ними, такъ какъ имѣетъ большія, всюду прозирающія очи. Образъ «добраго Пастыря» указанъ еще самимъ Христомъ, и въ разъясненіяхъ не нуждается. Пастырь этотъ научилъ Аверкія вѣрнымъ письменамъ жизни, преподалъ ему ученіе вѣры, ведущее къ жизни вѣчной, потому что, по исповѣданію Апостола Петра, Господь Іисусъ глаголы живота вѣчнаго имать²⁾. Господь послалъ Аверкія въ Римъ для того, чтобы тотъ увидѣлъ царствующій градъ и царицу. Поводъ къ этому путешествію рассказанъ въ житіи, и мы, какъ замѣчено выше, не видимъ никакой причины не довѣрять этому разсказу. Что Аверкій видѣлъ лишь царицу, а не самаго Марка Аврелія, это объясняется довольно правдоподобно житіемъ, которое говоритъ, что какъ разъ во время пріѣзда святаго въ Римъ, императоръ отсутствовалъ, будучи принужденъ принять участіе въ отраженіи варваровъ, перешедшихъ Рейнъ и грабившихъ римскія владѣнія. Хотя о поѣздкѣ этой другіе источники и не упоминаютъ, но невозможно она не представляется.

Въ Римѣ святой увидалъ народъ, т. е. вѣрующихъ, просвѣтленныхъ печатію крещенія. Затѣмъ изъ столицы онъ опять вернулся въ Азію, проникнувъ до ея отдаленныхъ предѣловъ, перейдя Евфратъ и достигнувъ Нисивіи. Слѣдующее за симъ мѣсто на камнѣ представляется плохо сохранившимся. Что порча эта идетъ изъ древности, явствуетъ изъ того, что уже и въ житіи слова эти тоже имѣютъ видъ испорченныхъ. Судя по всему, въ нихъ Св. Аверкій сопоставлялъ свои странствованія со странствованіями апостола Павла (срвн. поводъ, по которому Св. Аверкію было дано прозваніе равноапостольнаго) и говорилъ, что всюду и всегда имъ водительствовала вѣра въ Христа. Вѣра эта заботилась объ его духовной пищѣ и вездѣ, въ собраніяхъ вѣрующихъ, предлагала ему плоть Христову, которую Аверкій обозначаетъ образомъ **ΙΧΘΥΣ**, который, какъ глава церкви, от-

1) I Петр. 2. 9.

2) Иоанн. VI, 68.

личается своею величиною (παμμεγέθη). Точно также и Тертуллианъ, въ извѣстномъ мѣстѣ, въ которомъ онъ пользуется тѣмъ же образомъ (nos pisciculi, secundum ΙΧΘΥΝ nostrum lesum Christum, in aqua nascimur)¹⁾ послѣдователей Христа, возрождающихся въ крещеніи, зоветь рыбками (pisciculi), въ сравненіи съ (большой) рыбой; это же отношеніе видимъ мы и на изображеніяхъ, въ которыхъ, вслѣдъ за большой рыбой плывутъ маленькія, нерѣдко съ евхаристическимъ хлѣбомъ во рту. Рыба эта является изъ источника (ἀπὸ πηγῆς), при чемъ, очевидно, подъ этимъ источникомъ разумѣется вода крещенія, животные источники водъ²⁾, текущіе въ жизнь вѣчную³⁾). Рыбу эту схватила чистая дѣва, т. е. Христосъ воплотился отъ непорочной Дѣвы Маріи; вѣра, далѣе, предлагаетъ своимъ друзьямъ, т. е. поклонникамъ въ пищу тѣло Христово и кровь Его, подъ видомъ хлѣба и смѣшенія вина съ водою, что, какъ извѣстно, составляло неизбѣжную принадлежность всякой евхаристической трапезы.

Таково простое и совершенно естественное объясненіе надгробія св. Аверкія. Оно до того согласуется во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ съ тѣмъ, что намъ вообще извѣстно о древнейшемъ символизмѣ первоначальныхъ христіанъ, что всѣ выдающіеся археологи единогласно видѣли въ разсмотрѣнной епитафій важнѣйшій и драгоценнѣйшій памятникъ этого символизма.

Въ февралѣ 1893 г. лиценціатъ богословія въ Галле, д-ръ Гергардъ Фикеръ (Ficker) представилъ въ Берлинскую Академію наукъ, черезъ посредство и съ рекомендаціей для напечатанія академика Гарнака (Harnack), мемуаръ подъ заглавіемъ: *Der heidnische Charakter der Abercius-Inschrift*, помѣщенный въ Протоколахъ Академіи за 1894 г. стр. 87. Въ мемуарѣ этомъ Фикеръ отрицаетъ возможность видѣть въ св. Аверкіи христіанина, думая, что даже при поверхностномъ пониманіи надгробія, какъ памятника христіанскаго, мы наталкиваемся на затрудненія: во всей епитафій нѣтъ ни единого слова, которое открыто и опредѣленно носило бы на себѣ христіанскій отпечатокъ; всѣ мысли облечены въ такія слова, которые могли быть поняты только посвященными. По мнѣнію Фикера, въ началѣ III в. христіанство еще не настолько погрузилось въ таинственность, чтобы при содержательности надгробія, въ немъ могло отсутствовать имя

1) De bapt. 1. p. 201 Reiff.

2) Апок. VII, 17.

3) Іоанн. IV, 14.

Иисуса Христа. Наши воззрѣнія на готовность христіанъ къ исповѣдничеству въ первые два вѣка должны совершенно измѣниться, если мы будемъ принуждены считать за христіанскую ту тщательность, съ которой боязливо прикрывается въ надгробіи опасеніе выдать что либо непосвященному.

Далѣе, возможно ли, чтобы въ длинной надписи, подобной этому надгробію, не было ни малѣйшаго указанія на надежду христіанъ по смерти, на *σαρξὸς ἀνάστασις*? Тайственный характеръ надгробія ведетъ къ предположенію, что въ немъ рѣчь идетъ не о христіанской, а объ языческой вѣрѣ въ таинства и, въ частности, въ мистеріи Аттиса и Кивелы, которые были фригійскими національными божествами, т. е. божествами той мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ Аверкій и гдѣ находилась его могила. Въ заключеніе своего обширнаго мемуара Фикеръ (стр. 111) говоритъ, что объясненіе надписи Аверкія, какъ памятника языческаго, возможно, и даже предпочтительнѣе общепринятому, потому что при немъ исчезаютъ всѣ загадки.

Мемуаръ этотъ не прошелъ незамѣченнымъ христіанскими археологами, и всѣ они единогласно сочли его за болѣе или менѣе легкомысленную погоню за «новымъ словомъ» въ наукѣ и изумлялись тому, что такой авторитетъ въ области изученія древняго христіанства, какъ Гарнакъ, рѣшился рекомендовать статью Фикера для помѣщенія въ изданіи Берлинской Академіи. Въ отвѣтъ на это изумленіе самъ Гарнакъ въ 1894/5 г. въ XII—т. *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur v. O. von Gebhardt und A. Harnack* помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: *Zur Abercius-Inschrift*, въ которой старается доказать, что Аверкій былъ или чистымъ язычникомъ, или, что вѣроятнѣе, приверженцемъ язычески-гностическаго религіознаго общества, въ которомъ христіанская тайна была соединена съ языческими мистеріями. И это мнѣніе Гарнака не осталось безъ возраженій. Изъ наиболѣе обстоятельныхъ мы упомянемъ: I. Wilpert. *Fractio panis. Die älteste Darstellung des eucharistischen Opfers in der Cappella Greca. Freiburg i/v. 1895* и L. Duchesne въ *Mélanges d'archéologie et d'histoire Rome 1895. p. 155* и сл. Ознакомить читателей, хотя бы вкратцѣ, съ этой полемикой представляется намъ неизлишнимъ.

Прежде всего, и Фикеръ и Гарнакъ указываютъ на то, что самая внѣшность надгробія говоритъ скорѣе въ пользу того, что это есть эпитафія язычника, а не христіанина, и Гарнакъ ставитъ вопросъ, су-

ществуютъ ли примѣры того, чтобы христіанскія надписи вырѣзались, въ пору около 200 г., на жертвенникахъ или камняхъ, имѣющихъ видъ жертвенника? Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что датированныхъ надписей столь ранней поры очень немного и онѣ встрѣчаются лишь въ Римѣ и во Фригіи. Въ Римѣ онѣ идутъ по большей части изъ подземныхъ сооружений, гдѣ вообще форма надписи въ видѣ стелы или жертвенника необычна, хотя отдѣльные примѣры встрѣчаются и тамъ; но гораздо больше ихъ во Фригіи и въ Малой Азіи вообще: такъ, надгробіе Александра, сына Антонія, тоже высѣчено на жертвенникѣ, на стелѣ начертано надгробіе Фригійскаго діакона Авиркія, сына Порфиріева (С. I. Gr. 9266), на стелѣ же читается еще одно фригійское надгробіе христіанское, начертанное нѣкимъ Авреліемъ Александромъ. Всѣ эти памятники несомнѣнно относятся ко времени, отмѣченному Гарнакомъ¹⁾. Переходя къ выраженіямъ и содержанію надписи, Гарнакъ отмѣчаетъ стихи 12 — 16, которые, по его мнѣнію, могутъ принадлежать христіанину, и стихи 1 — 11 и 17—22, которые не содержатъ въ себѣ ничего христіанскаго. Прежде всего, онъ останавливается на томъ, что Аверкій, упоминая о своей родинѣ, называетъ ее *ἐκλεκτὴ πόλις*, а о своемъ отечествѣ—*χρηστὴ πατρίς*. Но прежде всего, нельзя опускать изъ виду то обстоятельство, что надгробіе Аверкія облечено въ метрическую форму, въ которой присутствіе *epitheta ornantia* не представляетъ собою ничего необычнаго; затѣмъ, оба эти эпитета очень обычны въ христіанской терминологіи, и, наконецъ, христіанинъ Александръ Антоніевъ не смущался ни тѣмъ ни другимъ изъ этихъ эпитетовъ, и ввелъ ихъ въ свое подражаніе, чего бы, очевидно, не сдѣлалъ, если бы оригиналъ представлялся ему языческимъ.

Далѣе, Гарнака поражаетъ то обстоятельство (отмѣченное уже Тиллемономъ), что Аверкій угрожаетъ нарушителю его могилы денежною пеней, которую преступникъ долженъ внести въ Римское казначейство и въ Іеропольское. Въ данномъ случаѣ, Гарнакъ обнаружилъ свое малое знакомство съ греческою христіанскою эпиграфикою, изъ которой можно привести не малое количество угрозъ, совершенно аналогичныхъ съ тою, которая находится на интересующей насъ эпиграфій; нерѣдко угрозы эти видоизмѣняются въ томъ смыслѣ, что

1) См. Cumont, Les inscriptions chrétiennes de l'Asie Mineure въ Mélanges d'archéol. et d'histoire 1895. p. 245 сл.

вмѣсто денежнаго штрафа говорится о Божескомъ наказаніи, которое ожидаетъ осквернителя святости и ненарушимости могилы. Приводитъ какіе-либо примѣры считаемъ излишнимъ; замѣтимъ лишь то, что во Фригіи и въ Малой Азіи они очень разнообразны и характерны¹⁾.

Переходя къ началу надгробія, въ которомъ Аверкій зоветъ себя ученикомъ чистаго пастыря, пасущаго свои овцы повсюду, зорко блюдущаго ихъ, Гарнакъ замѣчаетъ: древне-христіанская проповѣдь и символика знаетъ, насколько мнѣ извѣстно, добраго пастыря, лишь какъ заботящагося о своихъ овцахъ и обрѣтающаго погибшее овца. Въ надгробіи же Аверкія упомянуты три обстоятельства: пастырь пасетъ овецъ на горахъ и въ долинахъ, у него большія все зрящія очи, онъ научилъ своихъ учениковъ вѣрному знанію. Пока, заключаетъ Гарнакъ, не будетъ доказано, что такъ говорится про Христа, какъ пастыря, и что христіане обозначаютъ себя, какъ ученики пастыря, до тѣхъ поръ мы обязаны думать объ богѣ языческомъ, быть можетъ объ Геліосѣ. Противники Гарнака возражаютъ ему на это, что древне-христіанское искусство знаетъ добраго пастыря: а) какъ несущаго на раменахъ заблудшую овцу и б) какъ пасущаго свои овцы. Что касается epitheta *ἀγνός*, придаваемаго въ надгробіи пастырю, то онъ является совершенно тождественнымъ съ евангельскимъ epithetomъ *καλός*, съ тою разницею, что въ послѣднемъ выраженіи центръ тяжести лежитъ на вниманіи и заботливости пастыря, не оставляющаго безъ надзора и заботы ни одну овцу, а въ первомъ — на чистотѣ и непорочности его ученія; что у него большія и всюду зрящія очи, не представляется удивительнымъ при той заботливости, съ которой Христосъ относится къ своему стаду. Аверкій зоветъ себя въ надгробіи его ученикомъ, согласно съ выраженіемъ самаго Христа: иже не носитъ креста своего и въ слѣдъ мене грядетъ, не можетъ быти мой ученикъ (Лук. XIV, 27).

Слѣдующее за симъ выраженіе надгробія о путешествіи Аверкія въ Римъ возбуждаетъ недоумѣніе Гарнака, потому что невозможно, по его мнѣнію, предположить, чтобы Христосъ, пастырь добрый, послалъ святаго въ Римъ для того, чтобы видѣть царя и царицу. Что человѣческой поступокъ, почему-либо имѣющій для жизни особенное значеніе, приписывается внушенію божества, это не представляется

1) См. Vidal-Lablache, Commentatio de titulis funebribus graecis in Asia Minore. Par. 1872.

нисколько удивительнымъ. Но, рассуждаетъ далѣе Гарнакъ, страннымъ представляется сопоставленіе царя и царицы: или это императоръ и императрица римскіе, или царь и царица небесные, божественная сизигія, вовсе не мирящаяся съ христіанствомъ. Но дѣло въ томъ, что при этомъ замѣчаніи Гарнакъ основывался на невѣрномъ чтеніи: вмѣсто ΒΑΣΙΛΗΝΕΙΑΝ ἀδρῆσαι, онъ читалъ: ΒΑΣΙΛΗ ἀναδρῆσαι. Съ исчезновеніемъ «царя», исчезаетъ и божественная сизигія, и мотивомъ для путешествія Аверкія въ Римъ остается желаніе видѣть царствующій градъ — βασιλίς, названіе, нерѣдко прилагаемое къ Риму. Въ Римѣ, сверхъ того, онъ видѣлъ царицу (по житію, М. Аврелій отсутствовалъ, будучи занятъ войною съ германцами), украшенную всюю роскошью своего сана: золотою одеждою и обувью; видѣлъ онъ и народъ, имѣющій свѣтлую печать. Λαός въ древне-христіанской терминологіи очень не рѣдко обозначаетъ членовъ христіанской общины, а свѣтлая печать есть не что иное, какъ печать крещенія, налагаемая на каждаго вѣрующаго во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Только тѣ, которые получаютъ печать эту, могутъ войти въ царствіе Божіе, только тѣ, которые сохраняютъ эту печать нетлѣнною, будутъ причастниками вѣчной жизни. Какъ же смотритъ на это Гарнакъ? Онъ утверждаетъ, что если σφραγίς обозначаетъ крещеніе, то епитетъ λαμπρά къ нему совершенно не подходитъ. Это дѣло вкуса, и, думается, что если христіанинъ обозначаетъ крещеніе, какъ свѣтлое знаменіе, то этимъ онъ нисколько не вноситъ чего-нибудь неестественнаго и неподходящаго. Гарнакъ, отказываясь отъ этого пониманія, ставитъ такую дилемму: или Λαός обозначаетъ римскій народъ, имѣвшій какой-то атрибутъ (σφραγίς), намъ ближайшимъ образомъ неизвѣстный, или же эта σφραγίς есть то же, нѣчто неизвѣстное, находившееся въ храмѣ Юноны царицы—Iuno regina, Ἦρα χρυσόθρονος. Искусственность этой дилеммы очевидна. На помощь Гарнаку выступилъ О. Гиршфельдъ, предложившій читать λαόνъ отъ λαόςъ камень и ставившій это чтеніе въ связь съ священнымъ камнемъ Кивелы, перевезеннымъ въ 550 г. (отъ осн. гор.) въ Римъ, на Палатинъ, изъ Фригійскаго Пессинунта. Возможно, что камень этотъ былъ обдѣланъ въ серебряный ковчегъ, украшенный сверкающимъ брилліантомъ¹⁾. Область возможности весьма широка, но въ данномъ случаѣ возможность эта не доказана. Слѣдующее за симъ мѣсто надгробія, гдѣ рѣчь идетъ о Павлѣ, не

1) О. Hirschfeld въ Sitzungsberichte d. Berliner Akademie 1894. 1. p. 213.

полно, и посему лучше воздержаться отъ его объясненія. Мѣсто же, гдѣ говорится о πίστις, до того отпечатлѣно чисто христіанскими воззрѣніями и выраженіями, что это признаетъ и самъ Гарнакъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ: прежде всего, по его мнѣнію, конструкція фразы не ясна: къ ἐπέδωκε надобно признавать другое подлежащее, нежели къ ἐδράξατο; самое выраженіе παρθένος ἀγνή для обозначенія Дѣвы Маріи въ высшей степени странно; πηγῆ, ἀπὸ πηγῆς представляется празднымъ украшеніемъ рѣчи; упоминаніе об̄ οἶνος χρῆστος рядомъ съ χέρασμα, отсутствіе епитета у хлѣба — все это представляется Гарнаку мало вразумительнымъ. Далѣе, онъ видитъ странность въ томъ, что изъ надписи въ 22 строки, 17 (18) строкъ совершенно безразличны или, очевидно, языческія, и только 5 (4) христіанскія. Возможно ли, говоритъ Гарнакъ, чтобы надпись начиналась съ упоминанія об̄ языческихъ божествахъ, о Геліосѣ, Зевсѣ, Герѣ, оканчивалась угрозами осквернителю гробницъ въ видѣ штрафа, который долженъ быть внесенъ въ римское казначейство и кассу родного города, обращалась къ сообщникамъ культа, какъ къ посвященнымъ въ мистеріи, и въ то же время говорила о Христѣ—ΙΧΘΥΣ и о Дѣвѣ Маріи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ у Гарнака длинная выписка изъ позднѣйшей апокрифической повѣсти об̄ Афродитіанѣ и о событіяхъ въ Персидѣ¹⁾, въ основѣ которой лежитъ «Христіанская исторія» Филиппа изъ Сиде, современника Іоанна Златоустаго. Изъ приводимаго Гарнакомъ отрывка видно, что царь Киръ выстроилъ великолѣпный храмъ Геры, украсивъ его роскошными статуями боговъ изъ серебра и золота; разъ царь вошелъ во храмъ и статуи пришли въ движеніе: одна изъ богинь, Гера, зачала во чревѣ отъ великаго Солнца; другія богини переименовываютъ еѣ въ Πηγῆ, и дитя, которое должно родиться изъ нея, есть Искупитель. Отдать предпочтеніе тексту, въ которомъ, по выраженію самаго Гарнака, лежитъ «необузданный синкретизмъ, ein wüster Synkretismus, передъ многими, общепонятными выраженіями надгробія отзывается предвзятою мыслью, которая старается доказать желаемое во что бы то ни стало.

Переходя къ частностямъ, Гарнакъ заявляетъ, что выраженіе φίλοι представляется для христіанъ необычнымъ, не смотря на то, что оно употребляется и разъясняется самимъ Христомъ: вы друзи мои

1) Vassiliev, Anecdota Graeco-Byzantina 1. 1893. p. 77.

есте, аще творите, елико азъ заповѣдаю вамъ, и: васъ же рекохъ други (Іоанна XV, 14, 15). Въ дальнѣйшихъ словахъ надписи, въ которыхъ рѣчь идетъ о хлѣбѣ и винѣ, объясненіе ихъ въ евхаристическомъ смыслѣ представляется Гарнаку не особенно благопріятнымъ: зачѣмъ дважды упомянуто про вино? зачѣмъ вино стоитъ ранѣе хлѣба? почему вино зовется *χρηστός*, а не хлѣбъ? На первый вопросъ можно отвѣтить, что *οἶνος* и *κέρασμα* не суть тавтологическія выраженія. *Κέρασμα* есть специальное обозначеніе вина съ водою, которое было предписано еще въ Ветхомъ Завѣтѣ при праздникѣ Пасхи и которое обязательно для таинства Евхаристіи¹⁾. Остальные вопросы находятъ для себя совершенно естественные и удовлетворительные отвѣты, если мы примемъ во вниманіе поэтическую форму надгробія, при которой однимъ изъ существенныхъ условій является требованіе размѣра. Наконецъ языческой и синкретической характеръ надгробія Гарнакъ усматриваетъ въ просьбѣ, съ которой Аверкій обращается къ своимъ единомысленникамъ о томъ, чтобы они молились за него. Просьба эта не представляется Гарнаку специфически христіанскою, ибо встрѣчается и на языческихъ эпитафіяхъ; сверхъ того, обозначеніе христіанина, какъ *συνωδός*, является страннымъ, ибо гдѣ существуетъ доказательство тому, что древній христіанинъ обозначалъ ученіе Христа, какъ ученіе тайное, прикровенное? Относительно перваго возраженія необходимо замѣтить, что, хотя просьба о молитвѣ за умершаго и встрѣчается на языческихъ эпитафіяхъ²⁾, но только какъ исключеніе, и одной эпитафіи языческой можно противопоставить сотни завѣдомо и безспорно христіанскихъ, гдѣ эта молитва есть нѣчто весьма распространенное. Что же касается втораго замѣчанія Гарнака, то мы имѣемъ категорическія указанія на то, что около 200 г. существовала *disciplina arcani* и прилагалась, между прочимъ, къ таинству евхаристіи, т. е. къ тому, о чемъ говоритъ Аверкій³⁾. Поэтому не удивительно, что, употребляя прикровенныя символами выраженія, и представляя ученіе Христа, какъ ученіе таинственное, онъ говоритъ такъ, какъ обыкновенно говорили въ его время всѣ христіане.

Надпись св. Аверкія не есть единственный памятникъ древне-христіанской эпитафики, въ которомъ такъ подробно и обстоятельно

1) Clem. Alex. Strom. 1, 19.

2) Фикеръ приводитъ № 3962 С. J. Gr. изъ *Aramea Cibotos*.

3) Origen. in Levitic. hom. 9. n. 10.

говорится о божественной ΙΧΘΥΣ. По значенію и интересу параллельно съ этимъ Фригійскимъ надгробіемъ стоитъ другое, найденное въ настоящемъ столѣтіи въ Галліи, въ городѣ Отенѣ (древній Augustodunum); это есть также греческая надпись нѣкоего Пекторія, о которой считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Мѣсто, гдѣ найденъ этотъ памятникъ, особенно интересный по тому, что почти современенъ надгробію Аверкія, относясь къ II или III вѣку, находится въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ Отена, по дорогѣ, ведущей изъ этого города въ Безансонъ (Vesontio). Тутъ находится обширное древнее кладбище, извѣстное подъ названіемъ полиандрія Saint-Pierre-l'Estrier, давшее нѣсколько древнихъ христіанскихъ надгробій и свидѣтельствующее о томъ, что тутъ была древняя христіанская община ¹⁾, стоявшая въ связи съ общиною Лионскою (ecclesia Lugdunensis). Въ 1839 г. тамъ была найдена небольшая мраморная досочка, разбитая на нѣсколько кусковъ съ слѣдующею надписью:

Ἰχθύος ο[ὐρανίου θε]ῖον γένος, ἦτορι σεμνῶ
 Χρῆσε, λαβῶ[ν πηγῆ]ν ἄμβροτον ἐν βροτέοις
 Θεσπεσίων ὑδάτ[ω]ν. τὴν σὴν, φίλε, θάλπεο ψυχ[ὴ]ν
 Ὑδάσι ἀεναίοις πλουτοδότου σοφίης.
 5 Σωτῆρος ἀγίων μελιηδέα λάμβαν[ε βρω]σιν
 Ἔσθιε πινάων, ἰχθύν ἔχων παλάμαις.
 Ἰχθυί χό[ρταζ'] ἄρα, λιλαίω, δέσποτα σῶτερ.
 Εὖ εὐδοι μ[ή]τηρ, σὲ λιτάζομε, φῶς τὸ θανόντων.
 Ἀσχάνδιε [πάτ]ερ, τῶμῶ κε[χα]ρισμένε θυμῶ,
 10 Σὺν μ[ητρι] γλυκερῇ καὶ ἀδελφει]οῖσιν ἐμοῖσιν,
 Ἰχθύος εἰρήνη σέο] μνήσεο πεκτορίουο ²⁾,

т. е. «Божественное рождение небесной ἰχθύος, имѣй святое сердце, получивъ безсмертнѣй въ смертныхъ источникъ божественныхъ водъ; согрѣвай, друже, свою душу вѣчно текущими водами дающей богатство мудрости. Прими медвяно-сладкую пищу Спасителя святыхъ, вкушай алкая и держа въ рукахъ ἰχθύν. Насыть же ἰχθυί, молю тебя, Владыка Спаситель. Пусть добрѣ почиваетъ мать, прошу тебя, свѣтъ умершихъ. Аскандій, отецъ милый моему духу, съ сладкою

1) G. Bulliot, Essai historique sur l'abbaye de St. Martin d'Autun I p. 48, 393, 401, 413.

2) Заимствуемъ текстъ изъ диссертациі О. Pohl, Das Ichthys-Monument von Autun. Brl. 1880, изъ котораго беремъ и объясненіе.

матерью и моими братьями, въ мирѣ *ιχθύος*, вспомни о своемъ Пекторіи».

Надпись представляется состоящею изъ трехъ частей: первая, въ 6 стиховъ, имѣетъ форму акростиха и представляетъ похвалу Иисусу Христу, подъ символомъ рыбы. Вторая, изъ двухъ стиховъ, содержитъ молитву объ упокоеніи матери Пекторія, а третья, изъ трехъ стиховъ, воззваніе къ отцу его, Аскандію, также умершему, съ молитвою помнитъ о своемъ сынѣ; та же молитва обращена и къ матери и къ братьямъ Пекторія.

Хронологическихъ указаній на время составленія этой епитафіи въ ней не находится, но большинство изслѣдователей относятъ ее къ концу II или началу III в. (де Росси, П. Секки, Питра), т. е. ко времени, близкому къ эпохѣ составленія надписи Аверкія.

Извѣстно, что въ эту пору (около 177 г.) переселился въ Галлію изъ Малой Азіи св. Иринея, ученикъ св. Поликарпа Смирнскаго, сдѣлавшійся епископомъ ліонскимъ. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ его переселенія въ Галлію считаютъ большую опасность, въ которой, по его убѣжденію, находилась Галльская церковь вслѣдствіе того, что въ ней очень рано и очень широко развился и распространился гностицизмъ. Многіе учителя гносиса дѣйствовали въ Галліи, преимущественно въ бассейнѣ Роны, вводя въ пагубное заблужденіе не дозрѣвавшія ничего злаго души и стараясь привлечь на свою сторону недавно просвѣщенныхъ христіанъ. Ополчиться противъ гностиковъ и, въ частности, противъ Валентиніанъ, и поставилъ своей задачей св. Иринея. Онъ дѣйствовалъ въ этой области и словомъ и дѣломъ и оставилъ обширное, сохранившееся частію въ отрывкахъ, частію въ латинскомъ переводѣ полемическое сочиненіе: *Ἐλεγγος καὶ ἀνατροπὴ τῆς ψευδωνύμου γνώσεως*, въ которомъ Иринея старался ознакомить свою галльскую паству съ практически-религіозными воззрѣніями церковей Малоазійскихъ.

Какъ извѣстно, гностицизмъ отвергалъ вѣру въ возстаніе нашихъ тѣлъ, и св. Иринея ополчился противъ этого лжеученія, доказывая какъ безсмертіе духовной стороны человѣка, такъ и воскресеніе его тѣла. Догматъ о воскресеніи онъ ставитъ въ непосредственную связь съ ученіемъ объ евхаристіи: какъ хлѣбъ отъ земли, получающій воззваніе Бога, есть уже не обыкновенный хлѣбъ, но евхаристія, состоящая изъ двухъ частей: земной и небесной, такъ и наши тѣла, причащающіяся евхаристіи, уже не смертны, но имѣютъ надежду на

воскресеніе въ вѣки¹⁾. Эта же непосредственная связь явствуетъ и въ надписи Пекторія. Начинается она воззваніемъ къ вѣрующимъ (*ἰχθύος οὐρανοῦ θεῖον γένος*) о томъ, чтобы они проводили богоугодную жизнь (*ἤτορι σεμνῶ χρῆσε*), какъ подобаеть тѣмъ, которые пріяли крещеніе (*λαβὼν πηγὴν ἄμβροτον ἐν βροτέοις θεσπεσίων ὑδάτων*). Для сего вѣрующіе должны питать свою душу Божиимъ словомъ (*τὴν σὴν, φίλε, θάλπεο ψυχὴν ὑδασιν ἀεναίοις πλουτοδότου σοφίης*) и приобщаться Божественной трапезы (*σωτῆρος ἀγίων μελιηδέα λάμβανε βρῶσιν, ἔσθιε πινάων, ἰχθὺν ἔχων πολάμαις*). Затѣмъ Пекторій обращается къ Господу Спасу съ молитвою насытить его Божественною евхаристіей (*ἰχθύι χόρταζ' ἄρα, λιλαίω, δέσποτα σῶτερ*). Въ то же время онъ умоляетъ Христа, просвѣщающаго умершихъ, даровать мирное упокоеніе его скончавшейся матери (*εὖ εὐδοι μήτηρ, σε λιτάζομε, φῶς τὸ θανόντων*). Въ заключительныхъ стихахъ онъ обращается къ своему почившему отцу, Аскандію, вмѣстѣ съ своими братьями, которые уже находятся въ мирѣ Христа, прося ихъ помнить объ немъ, еще находящемся въ живыхъ.

1) *adv. haer.* IV, 18, 5.